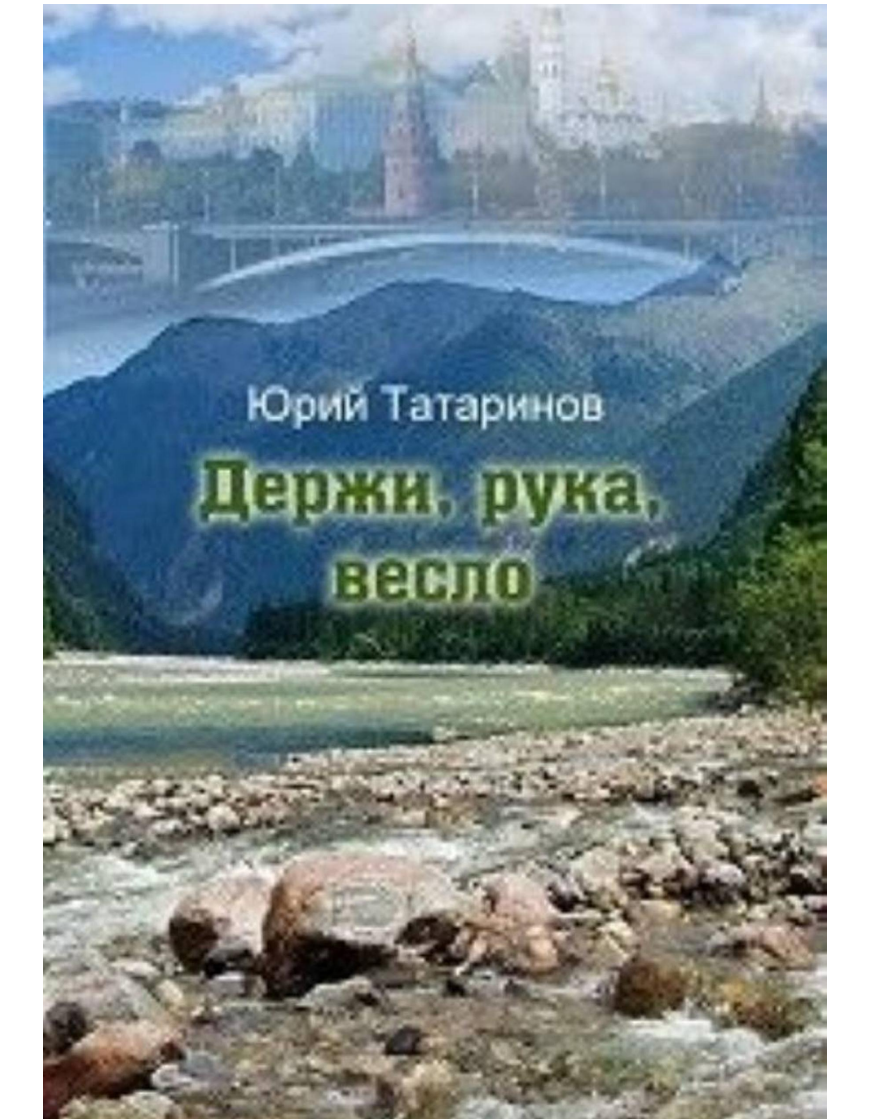

The background image is a scenic landscape. In the foreground, there is a rocky riverbank with several large, smooth, reddish-brown boulders. A river flows through the middle ground, reflecting the sky. In the background, a city with various buildings, including a prominent church with a tall spire, is visible across a body of water. A bridge spans the water. The sky is blue with some clouds. The text is overlaid on the middle part of the image, over the mountains and city.

Юрий Татаринов

**Держи, рука,
весло**

Юрий Татаринов

Держи, рука, весло

<https://litres.ru/74189803>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как у всякого хоть сколько-нибудь мыслящего существа живого, наступает время и человеку младому несмышлёному выпорхнуть из-под крыла родительского, удивиться огромному миру, испугаться и спрятать поглубже испуг свой, отдаться любопытству и непреодолимому желанию обрести самостоятельность, сделать свой собственный первый шаг навстречу неизвестному доселе, неизбежному

Герои этой приключенческой повести, вчерашние школьники – три девушки, и три парня: четверо москвичей и двое американцев, - решают и едут сразу после выпускных экзаменов за несколько тысяч километров от дома на далёкую сибирскую горную реку, по которой начинают сплавляться на надувных лодках.

Сплав оказывается недолгим: планы, силою обстоятельств, коренным образом меняются, но приключений и опасностей от этого меньше не становится.

И через года после этого дают о себе знать возникшие связи. Фатальной поездке не суждено оказаться последней

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Держи, рука, весло

Глава

«Держи, рука, весло»

повесть

Автор : Татаринов Юрий Анатольевич

Глава первая

Палитра звуков, тонов, подзвуков и обертонов разбушевавшегося урагана была не то, чтобы широко разнообразна, витиевата и изощрена, но давяще впечатляюща и беспощадна: на общий, изредка несколькими секундами ослабевающий фоновый рев накладывались свисты, гулы, вскрики, рвущие душу стоны, переходящие в дьявольский хохот, и черт-те знает что еще. По обезлюдевшей припортовой площади неслись, шелестели, перекачивались, звенели, скрежетали и грохались о землю бутылки, обрывки упаковки, ветви деревьев, осколки выбитых стекол, выданные кровельные листы, перевернутые и покореженные автомобили... Все, что не устояло перед бешеным натиском стихии. Пропитан-

ный до перенасыщения мусором и поднятой пылью взбесившийся воздух клочкотал, судорожно взывая в завихрениях; превратив в одночасье солнечный тихий день в глубокий, больше похожий на ночь, вечер.

Но не это казалось самым страшным: над всей этой безумной вакханалией явственно главенствовал грозный рокот раскачивающегося моря...

- Что это? Что это такое?! Что это, черт бы тебя побрал, такое-этакое?! – Сын, уставившись в пол, молчал. Мать в сердцах взмахнула руками, страдальчески, с безнадеей в увлажнившихся глазах выдавила из себя: - Грех говорить, но лучше бы тебя, неисправимого придурка, машина сбила, когда ты эту очередную дрянь в дом тащил. Господи! У всех - дети, как дети, а у меня - не только двоешник непролазный: еще и угораздило ему умопошатанным по жизни оказаться! За что ж мне горе-то такое?! – Мать отвернулась, пошла прочь. Бросила через плечо, не оборачиваясь: - Уйди ты, бога ради, с глаз долой. Видеть тебя не могу больше...

Андрюшка посмотрел вслед удаляющейся матери, недоуменно-сокрушенно пожал плечами, поднес ближе к глазам зажатую в кулаке вещицу.

Вещица-не вещица, а и впрямь – дрянь какая-то никчемная, ни на что путнее не похожая: что-то вроде асимметричной многоугольной коробки из какого-то прочного и легкого матово-серебристого - похожего на металл, но не являюще-

гося им – материала. Размером с ладонь взрослого мужчины, состоящая из объединенных в единое целое небольших отделений-блоков, большей частью – прямоугольной, со скругленными углами, формы, хотя некоторые из них обрамлялись вогнуто-выпуклыми плавно изгибающимися боковыми поверхностями.

Каждый из блоков имел свою внутреннюю начинку, состоящую, в основном, из пластинок различной длины, ширины и толщины и полупрозрачных разновеликих кристаллов. Не считая каких-то перемычек, скобочек и еле видимых невооруженным взглядом вкрапленных элементов.

Все это было совершенно непонятно с точки зрения возможного применения, но четырнадцатилетний Андрейка «шестым» чувством ощущал глубокую продуманность, совершенство, значимость и высокую ценность находящегося в его руках устройства...

Прошел в свою комнатку, плотно прикрыл за собой покарябанную, с облупившейся когда-то белой краской и выбоинами дверь, прислонился спиной к косяку, окинул взглядом принадлежащее ему «царство», любимое его место...

Постороннему взгляду Андрюшкино пристанище могло показаться брошенной лет сто назад лавкой чудаковатого неряшливого – со спутанными седыми космами, странными речами и поступками, веселой искрой в добрых глазах – деда-старьевщика. Через которую за это время прошли тысячи случайных людей, и каждый откручивал, отрезал, а чаще

просто отрывал с корнем что-то для себя нужное: точнее – могущее, на его взгляд, оказаться когда-нибудь нужным при каких-либо особых обстоятельствах. Потому как вещи все были какие-то странные, что ли, ненужные в обычной жизни: нельзя вот так просто взять да и приделать куда-нибудь с осязаемой пользой.

В расставленных вдоль стен покосившимися рядами коробках, на полу, под кроватью, на вбитых до самого потолка многочисленных крючках-гвоздях лежал, стоял, валялся, висел всякий хлам: железки, деревяшки, коробушки с торчащими из них проводами, фрагменты каких-то устройств и механизмов... И все это какое-то наштигованно-криво-мохнато-угловатое, нелепое... Ненужное, словом... Нет бы, кусок пластикового листа хошь... Который приколотить, на худой конец, куда-нибудь можно... Так не найти у Андрюшки такого: все дрянь какая-то отборная...

Парнишка бросил ожидающий приятного времяпрепровождения, почти любящий взгляд на притулившийся в правом дальнем углу комнатухи, в простенке между окном и боковой стеной, обшарпанный старый письменный стол, заваленный родом мусора и беспорядочно разбросанными листками бумаги, испещренными рисунками, эскизами, короткими записями, цифирками и буквами. Откачнулся, прошел к столу, сел на шатающийся стул, положил перед собой принесенную вещицу, вперился в нее долгим взглядом, «отгородился» от окружающего привычного мира...

В это же самое время другой - взрослый, лет сорока – человек смотрел похожим взглядом в чрево одного из нескольких десятков обломков какого-то невиданного аппарата, аккуратно разложенных на полу большого – похоже, авиационного – ангара, который, наряду с несколькими другими небольшими зданиями располагался на огороженном участке площадью не более десяти акров, окруженном со всех сторон простирающейся до горизонта пустыней-степью. Лишь с севера угадывалась размытая расстоянием далекая горная цепь. Внимательный взгляд мог бы отметить множество факторов, указывающих на значимость и засекреченность объекта: особая охрана, включающая в себя вооруженных часовых, обнесенный тройным – глухой, четырехметровой высоты, наружный и два пояса колючепроволочного внутреннего – забором периметр; видеокамеры и многофункциональные датчики; радары и мощные антенны; вертолетная площадка... Может, что-то еще... Может, и не только на поверхности...

Человека звали Джеффри Оклайретт; он, как и Андрейка, когда-то тоже не питал большой любви к тому, чему его пытались обучить в школе. Но это было давно. Теперь же Джефф - один из немногих в мире экспертов по новейшим технологиям, и находится на службе у оборонного ведомства мощной державы.

Оклайретт отвел взгляд, взглянул на часы: почти десять:

пора, через десять минут его ждет шеф. Вышел из ангара, кивнул охраннику, направился к стоящему неподалеку невзрачному двухэтажному строению.

Уильям Родриган, он же шеф и он же начальник отдела летательных аппаратов в составе Управления изучения вооружений потенциальных противников, в задумчивости развалился в глубоком кожаном кресле, перекинув правую ногу через правый, а свешенную левую руку в закатанном до локтя рукаве рубашки – через левый подлокотник. Махнул рукой вошедшему:

- Садись, Джефф. – Наклонился к столу, проговорил в селектор: - Два кофе, Молли, пожалуйста. – Поднял взгляд на свободно расположившегося в кресле по другую сторону стола Оклайретта, с которым они вместе работали уже более десяти лет, симпатизировали друг другу и были – когда наедине – почти приятелями.

- Ну, нарыл чего-нибудь?

Джеффри поморщился, вздохнул притворно:

- Наверно уже не дождусь никогда, чтоб ты, Билл, перестал обращаться со мной как с мусорщиком...

Родриган усмехнулся:

- Так же как и я, чтоб ты перестал так думать. Ладно тебе, итак?

Оклайретт откинулся на спинку, после непродолжительного раздумья взвешенно заговорил:

- То, что скажу сейчас - лишь предварительное и по-

верхностное мнение после первичного визуального осмотра – сам понимаешь... - Наклонился немного вперед, принял чашечку на миниатюрном блюде из рук миниатюрной же молодой женщины-мулатки, благодарно кивнул: «спасибо, Молли», удобнее устроился в кресле, выждал, глядя на парящую поверхность напитка и неспешно помешивая его ложечкой, пока не раздался клацающий звук закрываемой за вышедшей секретаршей двери, поднял глаза на собеседника, продолжил: - Но уже ясно: скучать нам не придется...

Виолетта Григорьевна, учитель литературы, повернула увенчатую короткой седой шевелюрой голову вполоборот направо, взглянула на весело громышающую о цинковый свес окна весеннюю капель, перевела строгий осуждающий взгляд на сидящий перед ней выпускной одиннадцатый «А». Машинально пересчитала: «Девятнадцать человек», - вздохнула про себя: - «А пять лет назад было тридцать два... Иначе и быть не могло: вполне закономерно – издержки физико-математического уклона, черт его разбери...» Захлопнула с нарочитым небрежением темносерый портфолио, бросила его на учительский стол, с деланной пренебрежительной усталостью в голосе произнесла:

- Кто-то в высоких кабинетах решил, что последнюю учебную «четверть» мы должны посвятить ознакомлению

с современной отечественной и зарубежной литературой. Не больше и не меньше... - Любовь Григорьевна сделала несколько шагов в сторону двери, развернулась, возбужденно вернулась к столу, упористо, чеканя слова, заговорила: – Я, сказать по правде, не совсем понимаю: что это такое и с чем его едят... На мой взгляд современная, извините, литература – если иметь ввиду то, что пишется сегодня, - не может претендовать на самую роль таковой... В сравнении с классикой! – Негодуя вскинула упрямый подбородок: - Взгляните! Прилавки книжных магазинов завалены графоманским мусором. И те пара страниц от обезумевшего автора, которые я вам в качестве примера только что прочла – тому свидетельство: потусторонний бред и заглядывание на «запад». Ни слога, ни капли здравого смысла. Ничего. И ни о чем. Пустышка, но при этом пустышка вредящая, искажающая истинное; хотя большинству из вас по барабану: что литература современная, что классическая. Ну да ладно, чего уж там... Однако ж, придется нам всем покориться и бросить остатки сил на изучение обязательной программы. Обвела взглядом, ожидая реакции, аудиторию: привычно увидела отбывающих последние деньки школьной «повинности» ребят, лишь троих выделила на фоне общего равнодушия: Дима Игумнов прямо, с веселой «наглинкой» смотрел в глаза; Артем Пряденников вперил невидящий взгляд в полотно стола; лишь в глазах оделенной неброской, но чувственной и незабывающейся – девушка с «изюминкой» - красотой

Ольги Терновцевой полыхал негодующий огонь. Отодвинув стул, учитель села. Опершись на локти, наклонилась вперед:

- Похоже, не все со мной согласны... Ну, давай, Терновцева, раскрой нам глаза...

Ольга тряхнула челкой, провела, укрепляясь во мнении, тыльной стороной кисти по лбу:

- Насчет мусора не могу с Вами не согласиться: его действительно полно – и не только в литературе. Он повсюду: в том числе среди учеников, и, извините, среди тех, кто их учит. Не хочу тревожить Ваш «огород». Я говорю обезличенно. По делу: лично мне озвученное Вами понравилось. Хотела бы читать дальше. – Усмехнулась: - С Вашего позволения.

Руки Виолетты Григорьевны непроизвольно сжались в кулаки, лицо окаменело. Она с трудом владела собой.

- Вот даже так?! Раньше ученики не позволяли себе так разговаривать со своими учителями. Думаете, шибко осовременились, уже окрылились и выпорхнули из гнезда? Ошибаетесь... Ну да ладно: каков привет, таков будет и ответ... Постараюсь быть тоже современной. - Откачнулась, облокотясь на спинку стула, изобразила улыбку; лицо пошло пунцовыми пятнами. – Не успела сказать – восполняю пробел: программой предусмотрено сочинение на эту тему, причем не в конце, а в начале курса. А потом оставшиеся полтора месяца – обсуждение результатов: насколько они соответствуют желаемому облику воспитывающей молодого че-

ловека страны. В моем, разумеется, понимании. Конкретизирую: начало - завтра в восемь утра. И от этого самого сочинения непосредственно будет зависеть оценка за год и – как следствие – в выпускном аттестате. Добавлю: ваши коллеги из одиннадцатого «Б» уже, если кто еще не знает, имели удовольствие написать упомянутое сочинение - повернув за пояс, взглянула на циферблат наручных часов, – два часа назад... И я успела просмотреть часть работ, – снисходительно окинула Ольгу взглядом, - в том числе и Ваших друзей Жанны Милавской и Виктора Дробухова. – Глаза слегка прищурились, ожесточаясь. – Думаю, есть повод неприятно их удивить. И, наверное, не только их...

- И, наверное, не только их... - Дима перестал ухмыляться, закрутил в пальцах небольшую коробочку. Принял недоуменный взгляд учителя, пояснил: - Диктофон. Штука такая. Изобретение технического века. В недавнем прошлом шпионы по нему прикалывались. Теперича простым смертным доступна. Иной раз полезной может быть. Понимаете, о чем я?

Виолетта вскочила, громыхнул упавший стул.

- Игумнов, отдай диктофон мне. Немедленно!

Димка засунул приборчик в нагрудный карман.

- И не подумаю...

- Вон из класса!

Артем с Олей тоже поднялись, подались в кильватере за товарищем. Виолетта Григорьевна пыталась ослабить рукой

вдруг ставший тесным старомодный воротник. Осипленно прикрикнула:

- А вы куда? Назад. На место!

Олька выскользнула из класса вслед за демонстративно вышедшим одноклассником, Артемка, полуобернувшись в дверях, обронил:

- Прослежу, чтоб не потерял, дурачок...

Дверь мягко прикрылась, скрыв троих бунтарей; учитель, уловив неповинующейся рукой и подняв упавший стул, присела, оперлась безысходно о стол, охватила голову руками. С минуту в классе висела гнетущая тишина; равнодушие вмиг улетучилось: ребята, как один, смотрели в склоненную седую макушку. Кисть вяло отмахнула, глухо и непривычно прозвучал глубоко утомленный, почти незнакомый голос:

- На сегодня достаточно. Урок окончен, ступайте...

Артем подрулил к усевшимся на коридорном подоконнике друзьям:

- Ну ты, Димон, и дурагон! Отсобачил, идиот! Теперь что? Как в том старом фильме: «Доживем до понедельника»?

Димка заерзал, съехал ногами на пол:

- А че такого?! Нам через два месяца в жизнь выходить, а мы все «сю-сю» да «му-сю»! «Наталья Аркадьевна, я вовремя ручку поднял? Виолетта Григорьевна, я правильно написал?» Надоело. В нормальной жизни всем в глазки не назавлядываешься!

Артем покраснел, надулся для ответа, но Ольга осадила готовых сцепиться парней:

- Хватит трепаться. У нас двадцать минут до следующего урока: сгоняем лучше до кафешки – не успела утром толком позавтракать.

Троица, перескакивая ступеньки через две, скатилась вниз по лестнице.

- ...в итоге свое пренебрежительное – последнее слово было произнесено с подчеркнуто-укорчивым нажимом - отношение к предмету они стали считать возможным распространить и на преподающего его учителя, то есть на меня. Несмотря на огромную разницу в возрасте. – Беседующая с глазу на глаз с директрисой в ее кабинете, Виолетта Григорьевна беспомощно развела руками, подняла покрасневшие глаза: - Я шокирована, я в растерянности... Скажите, Нелли Константиновна, что мне делать?

- То, что должны. Талантливо – как Вы умеете – вносить знания в нежелающие по юношескому недоумию воспринимать их уши. Быть умнее своих учеников. – Директор и одновременно учитель истории Нелли Константиновна резко встала из-за стола, заходила туда-обратно по кабинету. Остановившись, наконец, напротив собеседницы, убежденно произнесла: - Мы с Вами знаем, что совсем скоро ребята ожидают трудности, точнее,- на них обрушится мир... И я думаю, в эти последние дни нам нужно попытаться сделать

что-то, чтобы хоть как-то смягчить этот грядущий удар. Не будем, уважаемая Виолетта Григорьевна, строго следовать программе, отмените это дурацкое сочинение: пусть ребята в благожелательной и неформальной обстановке расскажут друг другу и Вам о когда-то понравившемся прочитанном, поспорят по-доброму. А Вы, аки мудрый Будда, найдите в их мыслях не неправильное, но хорошее... - Сорокалетняя директриса присела на рядом стоящий стул, накрыла лежащую на подлокотнике кресла руку пожилой женщины своей, улыбнулась:- Как Вам такой подход? А за все брошенные обидные слова и гадкие поступки ребята в будущем устыдятся и покаются. Когда придет понимание...

Виолетта улыбнулась в ответ:

- Да, конечно. Вы правы. Попробую... Извините, что отняла у Вас время. - Помедлила в нерешительности, оторвалась от спинки стула. - Пойду... - Встала, направилась к выходу. Остановилась перед дверью, обернулась:- Что-то, действительно, расклеилась я. Но теперь пройдет, уверяю Вас и... спасибо.

Нелли Константиновна тоже поднялась, отмахнула кистью, мягко проговорила:

- Будет Вам! Не благодарите - работа у нас такая: не сахар... Кстати, в Америку по обмену едет именно Терновцева. На два месяца.

- Оля Терновцева неплохая девочка. Но почему она? У нас, вроде, и более достойные кандидаты имеются.

- Может быть. Имеются также, как мы обе знаем, и обладающие настойчивыми родителями... Но поедет именно она. – После секундной паузы последовало короткое пояснение: - Небогатая интеллигентная семья: мать одна воспитывает их с младшим братом. Кроме того, Ольга практически в совершенстве владеет английским. Она одна из предложенных нами кандидатур, и на ней остановили выбор наши кураторы из районной администрации. Едут от района вдвоем с мальчиком из 143-ей Гимназии. Через неделю. Уже оформляются визы, и это решенный вопрос. - Построжала: - А с Игумновым иже друзья я соответствующим образом поговорю. Это уже перебор!

Виолетта Григорьевна замахала руками:

- Не надо, прошу Вас. Сама справлюсь.

- Ну что ж, ладно... Будь по-Вашему.- Про себя директриса облегченно подумала: «Кажется, она еще способна учить. Слава Богу...»

Пятеро – Оля, Витька, Жаннка, Артемка и Димка – расселись на детской площадке посреди дворового «колодца» - почти со всех сторон нависали безликие шестнадцатитажки. Кто где: скособооченная железная карусель, деревянный когда-то сине-красный конь, бортик разбитой песочницы... Димон извинился за отсутствие подруги: «Она на просмотре в престижном модельном агентстве».

Умостившаяся на детском сидении карусели Жанна, буд-

то не слыша, подняла глаза на Олю. Оттолкнувшись слегка ногой и произведя зубодробительный скрежет, сдвинула с места конструкцию:

- В Штаты, говоришь?... Тоже неплохо. Я на «майские» до Венгрии мотанусь – показательные по юниорам. Клавдия-тренерша вчера сказала. Говорит, в городском спорткомитете решили. Хотя мне плевать: все равно это чертово расфигурное катание брошу. Душу всю уже вынесли!

Олька сдвинулась на песочнице, вытянула стройную ногу. Девушки были с детства знакомы по спорту – фигурному катанию: только Оля – в спортивных танцах на льду, а Жанна – одиночница. Кстати, как и Артем с Витькой – по плаванию.

- У тебя, Жанн, данные...

Артем не сдержался, тоже подал голос:

- Я фигею, когда в деле на тебя смотрю!

Жанна тормознула карусель, вскинулась:

- Вона оно как! Меня и Клава одной рукой по головке гладит, а другой показывает, как больше оборотов накрутить! Позвоночник когда сломаю – ты на тележке будешь возить?!

Возмущенная девушка соскочила с карусели, подалась уходить. Артем, возбужденный, поднялся, развел руки:

- А если красиво, как смолчать?!

Жанна оценивающе взглянула:

- Красиво, говоришь? Ну, проводи девушку...

Артем подхватил ее под локоток, помахал остающимся друзьям, не оборачиваясь, ручкой, пропал с подружкой в сгу-

щающейся тьме. Димон стащил задницу с красно-синего облезлого коня, отряхнулся:

- Ну, и мне пора красоту встречать. Бывайте и не кашляйте. Исчез.

Оля насмешливо посмотрела на ненаходящего места, переминающегося с ноги на ногу Виктора.

- А ты чего отираешься? Дорогу забыл?

Витька поеживался, чувствовал себя дураком. Поднял глаза:

- По мне, так ты красивее катаешься...

Та еще чувыркуйка, превращающаяся в девушку деланно-осерьезившаяся девчонка всплеснула ладошками, опустила непослушные, искрящиеся готовым выплеснуться наружу весельем голубые глаза:

- Ух ты! Собрался женщину такими заплесневелыми базарами склеить?! – Не дождавшись от молчащего парня продолжения, перестала дурачиться, буркнула: - Давай вали отседа, пловец...

Пронесшийся в глазах вихрь эмоций не шелохнул тело. Спокойный голос как бы являлся продолжением протянутой руки:

- Я в Вас влюбился, мадам. Раз и навсегда. Разрешите проводить?

Олька молча подала руку...

Глава вторая

Прошло десять лет. Чуть больше. Минуло. Или – пролетело...

Жанна, исполнительный директор крупного рекламного агентства, завершая совещание, захлопнула папку, поднялась.

- На этом все, коллеги. За работу.

Окинула взглядом толсто-стеклянный подзелененный овальный стол, опустевший кабинет. Опустила глаза, посмотрела на покоящуюся в руках папку, почти с отвращением бросила ее на стол. Взяла сумочку, достала зеркальце. Взглянула, легким движением провела помадой по губам, покатала их. Убрала зеркало, застегнула сумку. Вышла из-за стола, осмотрела себя в отражении зеркальной стены, осталась довольна.

Было на что посмотреть: короткая естественно-каштановая стильная прическа, красивое, чуть скуластое – с оттенком властности - лицо, чувственные губы, невысокая, но крепкая соблазнительная грудь под шелковой модной фиолетовой блузкой с широким регланом и граничащим с приличиями декольте, узкая бежевая юбка чуть выше колена с глубоким задним разрезом, стройные, чуть мускулистые ноги спортсменки, фиолетовые, в тон блузки, но чуть темнее, туфли на высоком каблуке. Загляденье просто, мечта... Да! А фамилия-то! Пряденниковы мы теперь. Жанна Вениаминовна Пряденникова. Вот так! Жена Артема. Три года уже...

Сам Артем, Артемий Борисович, возглавлял входящую в отцовский холдинг нефтепродуктосбытовую компанию. Жили с женой в особняке в престижном загородном местечке по соседству с Артемкиными родителями. Не бедствовали.

Виктор с Ольгой работали программистами в службе технического обеспечения одного из крупных банков. Выплачивали ипотеку за небольшую двухкомнатную квартирку в спальном районе. Жили в согласии и счастье. Не могли нарадоваться на сына. Легко были вхожи в дома Витькиных родителей и сдружившейся с ними Олиной матери – Ларисы. Олькин брательник Славка заканчивал университет.

Жанна спустилась на лифте в вестибюль, кивнула снисходительно вежливо склонившему голову охраннику, чуть замедлив ход, прошла через строй восхищенно вильнувших взглядами мужчин к вращающимся дверям, вышла на улицу. Остановилась на секунду, направилась к близстоящему дорогому BMW. Села, достала ключи, раздумала, бросила их на пассажирское сидение. Опустила подбородок на руль, смотрела невидяще сквозь лобовое стекло. Откинулась через минуту, достала телефон.

- Привет, подруга. Поговорить надо. Прямо сейчас. Сможешь?

Последний раз подруги встречались на крестинах Олькиного с Витькой сынишки – Дениски. А ему только вот три годика стукнуло. Но Олька не удивилась. Точнее, очень даже

удивилась, но виду не подала. Сердце кольнуло только...

- Смогу. Где?

- У Рустама на Тверской, знаешь? Блатная я там...

- Знаю. Через полчаса буду. Учитывай только мой ограниченный бюджет. Не злобствуй.

- Да ладно тебе. Я приглашаю, я и плачу. Останется у тебя на новые Витькины носки, не переживай.

- Будешь болтать много – «тычка» получишь. По твоей красивенькой «репке». Да-да. По «ящику» видела. Несмотря на твой заоблачный статус. Я не передергиваю?

- Ну че ты заводишься-то? Какие между старыми подругами базары?! Давай, выдвигайся.

Появившаяся в дверях ресторана Ольга приостановилась. Сбросила накидку на руки услужливо склонившегося швейцара, прошла ко входу в зал. Лица большей части сидящих за столиками людей восхищенно застыли. Трудно было с наскоку определить, чего в вошедшей молодой женщине больше: изящества, скромности или красоты. Брошенный ею панорамой взгляд остановился на ожидающей в одиночестве у барной стойки с высоким стаканом в руке подруге. Подошла, присела на соседний высокий табурет. Жанна высоко закинула ногу на ногу, поманила пальчиком официанта. Взглянула на Ольгу:

- Ты что будешь?

Олька секунду подумала:

- Кофе без сахара и чуть-чуть коньячку, для запаха. Буду любоваться твоими ляжками. Времени у меня полно...

Жанна отдала распоряжение подошедшему официанту: «Два черных кофе с коньяком. Отнесите на мой столик», рассоединила ноги, наклонилась вперед.

- Прекрасно знаешь, лицемерка чертова, что ты мне двести очков вперед дашь. Вон козлы уже взглядами тебя обливают. Слюни до пола висят. Пошли они к черту. Не затем тебя звала, чтоб в красоте соревноваться. Дело у меня.

- У тебя? Я здесь зачем?

- Не умничай. Пройдем к столику.

Присели лицом к лицу с одной стороны стола на небольшой диванчик. Жанна взяла принесенный кофе, благодарно кивнула, обжигаясь, отхлебнула.

- Дениска, крестник мой, как?

- Растет. Пугает меня немножко: задумчивый уж больно. Витька без ума от него.

- Завидую тебе. Не бойся сглазу. То, через что мы прошли, делает нас честными. Я люблю тебя. И ненавижу себя. За то, что не могу родить. Это боль моя, наша с Артемкой боль. Прости.

Оля подалась вперед, взяла Жаннкины руки.

- Да ты что?! Жанн, у тебя же с деньгами проблем нет. Профессора, экстрасенсы, психологи... Не знаю, кто еще там...

- Пройденный этап. Денег спалили много – толку никако-

го. Но знаю, что надо сделать. И здесь без твоей помощи не обойтись.

Склонилась, уперлась лбом в Олькины колени. Посетители ресторана, люди солидные, оборвали разговор, остановили взор.

- Помоги. Поговори со старухой. Бестолочью я была, не верила... Точно знаю сейчас – только она сможет помочь. Молю тебя. Любые деньги. Господи, что я несущу?! Не обижайся на дуру. Я с ума просто схожу...

Олька не двигалась. Не пыталась унять подругу, успокоить. Выдохнула лишь:

- Это невозможно...- Очнулась:- Да поднимись ты, наконец. Прекрати балаган.

Жанна разогнулась, привалилась к спинке, утерла тыльной стороной руки слезы. Тушь растеклась вокруг глаз. Достала платок, молчала. Олька возбужденно мяла кисти рук.

- Пойми. Мы с Виктором многое пережили. Не все вам рассказали. Я смерть видела вот как тебя сейчас. Посмотри на Витьку: в двадцать семь лет он наполовину седой. Нас судьба помиловала. Такое бывает только раз. Многого ты от меня хочешь.

Жанна была спокойна.

- Понимаю. Значит мне – в петлю.

Встала.

- Прощай.

Олька не шелохнулась, окаменела...

В тот же день, вечером, Виктор набрал номер Артема.

- Привет пловцам. Как насчет перекусить? Поговорить надо бы...

Артемка тот еще был:

- А три года что ж? На диете сидел?- Повисла пауза. Артем остался сказанным недоволен: «Перебор, черт», попытался скруглить «углы».- Болтаю лишнего, Витька. Извини. Нервы ни к черту. Конечно. Где?

- Подвальчик знаешь на Москворецкой? Стильный такой. Типа убежища рыболовов и прочих идиотов. Сети там дурацкие болтаются, шняга всякая. Но уютно. Деньги, правда, лупят, но вам, богатым, по-фигу. Устраивает?

- Знаю такой. Если раньше меня придешь – кроме минералки ничего не заказывай. А то тебе, дураку, окуневый хвост за белужью вырезку задвинут. Шучу, как всегда. Готовлюсь раскрыть уши перед твоими проблемами. Или нашими? Ладно. Нервничать начал. До встречи.

Встретились. Обнялись. Уселись друг против друга за дубовый, умышленно грубо сработанный стол. Отмахнули официанту. Виктор поднял блуждающий взор:

- Робби звонил вчера, привет передает.

- Спасибо. Как он? Кристина?

- Нормально...

Артем отхлебнул минеральной воды:

- Плечо как?

Витя усмехнулся:

- Побаливает иногда. Но я на волка не в обиде. Сам на-
рвался.

Артем уважительно кивнул.

- Приятно поговорить с сильным человеком. Не буду пет-
ли вязать. Между нами плохого нет. Значит, что-то связан-
ное с моей женой, Жаннкой, я прав?

Виктор поежился.

- Да, прав. Но за семейную верность будь спокоен. Другое
здесь... - Поставил недопитый стакан на стол, нерешительно
водил рукой по колену. - Олька сегодня встречалась с Жанн-
кой. Я, силою обстоятельств, в курсе теперь ваших проблем.
Одной, по крайней мере. Помимо своей воли.

Кисти Артема вцепились в подлокотники, костяшки паль-
цев побелели. Голос звенел:

- Я знаю... Ты друг мне. Другого бы убил...

Виктор смотрел прямо в глаза.

- Расслабься. Да, я – друг. И потому я здесь и собираюсь
кое-что тебе прояснить. И мне очень этого не хочется. Но,
вижу, не удастся отсидеться в сторонке. Дай мне минуту. С
мыслями собраться...

Оба, с разных сторон, вперились взглядами в столешни-
цу. Не обратили внимания на быстро расставившего блюда
и понимающе исчезнувшего официанта.

Виктор вжался спиной в стул, заговорил:

- Я не забыл, чем мы тебе обязаны.- Осадил движением руки попытавшегося возразить Артема.- Никаких сантиментов, но это так. Факт. Не сбивай меня с мысли.- Провел ладонью по лбу.- О чем я?.. Не все мы с Олькой вам рассказали тогда. Не то, чтобы скрыли, а просто вы бы не поняли. И неправдоподобно это и глубоко личное. И сейчас не расскажу всего, но что-то придется...- Артем в упор смотрел на задумавшегося друга. Витька поднял голову.

- Скала. Только-только осознал, как дорог тебе этот человек, и тут же - как сам своей молодецкой дуростью подставил под реальную угрозу его жизнь. Эти минуты, пока Ольга карабкалась ко мне, изменили мою жизнь. Я сидел и боялся вздохнуть. Когда ее тельце оказалось в моих руках, я понял: это моя женщина на веки веков. И не иначе.- Витя наклонился, поддел на вилку осетровую вырезку, не донес до рта.- Старушка сумела донести до детских мозгов, что это не просто так. И мы поверили. А теперь – спрашивай.

Артем был глубоко взволнован. Подъехал вместе со стулом к Витьке, сжал его кисть.

- Мы все хлебнули в той поездке. Если б не ты... Да ладно...- Лицо его осветилось.- А знаешь, Вить, это – лучшее, что у меня было в жизни. Разве не так? Выпало счастье заиметь настоящего друга. Друг нашел любимую и любящую жену. Чем плохо?!- Ткнул Витьку кулаком под ребро.- Нет, ты скажи, это плохо?!- Усмехнулся.- Отмазка опять же есть.

Спрашиваю себя иной раз, когда очередную пакость делаю: «А были ж времена, Артем Борисыч, когда ты не был таким...», ну, ты понимаешь... В душе покой наступает.

Виктор рассмеялся:

- Умеешь, чудила, людей развеселить! Отваливай на место, а я разолью пока. Поднял бокал, чокнулись через стол:- За тебя.- ...- И за тебя. За нас.

Закусили. Виктор поднял глаза:

- И все-таки, от темы нам не уйти. Что делать-то будем?

Артем положил вилку, отер салфеткой губы, взглянул Витьке в глаза.

- Мое мнение такое. Жаннка вдолбила себе в голову – теперь не выкинешь. Она мучается. И я мучаюсь. Давай сделаем то, чего она хочет. Слетаем туда, поговорите с бабушкой. Я все организую.- Сжал пальцами виски.- Надо, Вить, это сделать. Прошу вас с Олей...

Витя долго смотрел, не отрываясь, на друга. Взгляд его затуманился.

- Боюсь я, Темыч. Почти как тогда, десять лет назад. Не за себя...

Артем наклонился, хлопнул Витьку по колену.

- Да брось! Не веришь же ты всерьез, в самом деле, во всю эту чушь?!

- Как знать?.. Ну да ладно. Черт с тобой. Похоже, у нас с Олькой нет выбора. Быть по сему. Уговорю ее. Дай Бог, чтоб все сложилось к лучшему. Полетели...

Оля напряглась, беспомощно расслабилась. Глаза затуманились печалью. Взяла Витьку за руку, гладила второй рукой по светлой головке приткнувшегося Дениску:

- Как скажешь, дорогой. «Не расплескайте свое счастье». Помнишь?.. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь...

Начало июля. Сборы были быстрыми: взяли на работе неделю в счет отпуска, утارتали сынишку под «крыло» Ларисе. Вот уже Артемкин джип под окном. Аэропорт, пять часов полета. Иркутская земля. Нанятый вертолет с пилотом и двумя крепкими парнями. Взлет.

Через час полета стали наплывать сопки, сверкнул водной гладью Китой. Олька глубоко вздохнула, опустила голову на Витькино плечо. Жанна с Артемом были гротескно веселы...

Знакомые места. Приземлились на пойменную гальку. Двигатели замолкли, винты остановились. Выбрались наружу. Тянул легкий ветерок. Дышалось полной грудью, было хорошо, тепло. Река еще не набрала силу, была маловодна.

Виктор указал рукой, прошли, вчетвером, на место бывшего лагеря. Остолбенело смотрели на висящую истлевшую Робертову гитару. Никто из рода человеческого за прошедшие десять лет ее не тронул. Не стал трогать...

Переглянулись, опустили глаза. Никто ничего не сказал.

Вернулись к вертолету.

Стоящая метрах в ста приметная сосна- ориентир начала тропы до старухиноного жилища – тоже претерпела изменения - стала еще уродливее: ствол ее был расколот ударом молнии и частично обуглен.

Засобирались: застегивали «молнии», шнуровали ботинки. Олька осадила:

- Куда это вы намыливаетесь? Я одна пойду, без сопровождающих. И это не обсуждается. Через полтора-два часа вернусь. А там ясно все будет.

Витя смотрел в землю, Артем оторопело разогнулся.

- Не понял... Что за бред?!

Витька знал, когда можно спорить с женой, когда – нет. Положил руку на Артемово плечо.

- Оля знает, как правильнее.- Поднял глаза на Ольку.- Если через два часа тебя не будет, мы идем. И это тоже не обсуждается, поняла?

- Поняла. Не беспокойтесь, все будет нормально.

Жанна удрученно молчала, Артем не мог уговорить:

- Да вы придурки совсем?!- Протянул Оле спутниковый телефон:- Возьми хоть это.

Ольга отвела Артемкину руку в сторону.

- Это ты придурок. В этих делах – никаких телефонов. Я ушла.

Растворилась в лесу. Началось ожидание. Ребята то сло-

нялись взад-вперед, то присаживались на камни. Разговаривать не хотелось. Парни из экипажа копались в двигателе, оживленно, но не громко переговаривались по своим делам, изредка поглядывали на часы. Взглядывали на часы и остальные трое.

Оля через двадцать пять минут вышла на знакомую плитняковую площадку, подняла, защищаясь от прямо светившего солнца, козырьком ладонь к глазам.

Старуха сидела на околodверном камне, смотрела, как и десять лет назад, вниз и перед собой. Девушка подошла.

- Здравствуйте, бабушка. Помните ли меня?

Подняла седую, с торчащими космами из-под шапки, голову.

- Помню, доченька. Присаживайся на камушек.

Олька присела, молчала. Таежница усмехнулась, взглянула блеклыми раскосыми глазами.

- Знаю... За подругу пришла просить...

Оля не удивилась:

- Так и есть. Страдает она. Богатая, а счастья нет. Ребенка хочет. Не смогла ей отказать... Решите, что с этим делать. Прошу Вас...

- Бог решает. Все ли твоя подруга сделала для того, чтобы быть счастливой? Но это не к тебе вопрос. Оставим пустой разговор... Думаю, смогу помочь. Если ты поможешь мне.

- Все, что смогу, говорите...

Старуха легко поднялась.

- Я ждала тебя. Знала, что придешь. Пройдем в дом.

Вошли. Оля узнала обстановку – она не изменилась. Точнее, в ней появился новый элемент. Шокирующий. Ольга встала, как вкопанная.

О чем речь? Да о малом...

Ниша скального грота была заложена почти полностью каменной перегородкой. Стеной. Оставался лишь небольшой лаз.

Старуха кивнула на горку камней, бадью с глиняно-травяным раствором.

- Готово все. Я сейчас залезу внутрь, а ты заделаешь вход. Всего-то делов. Самой нельзя. Это должен сделать чистый душой человек. Ты...

Ольга отшатнулась.

- Сдурела, старая?! Мозги отказали? У нас это квалифицируется, как убийство. Я не сделаю этого!

Отшельница пристально смотрела. Глаза ее запылали.

- Мою просьбу называешь убийством? Да что ты смыслишь в убийствах?!- Ольга невольно поразилась выплеснувшейся из привычно уравновешенного человека ярости.- Сделаешь. Еще как сделаешь. Пояснить, почему? Или сама догадаешься?

Олька немножко умерла, руки безвольно упали. Она поняла: сын на кону...

- Сделаю, как хочешь. Ты что делаешь со мной?!

- Таков промысел божий. Придет твой час – выплывешь. Не будем терять время...

Оля вложила последний камень, окинула взглядом пугающе цельную стену, отбросила рукодельный мастерок, отерла о полы куртки руки, пошла прочь от дьявольского места.

Через полчаса вышла на берег. Никого не увидела. Крутила головой, ничего не понимала. Что это такое? Витька не мог ее бросить...

Добежала до места давнишнего лагеря. Ни истлевшей, виденной пару часов назад, гитары Роберта, ни намек на людское присутствие. Ничего. Взгляд натолкнулся на нехоженую траву, переместился на реку. Китой был и тот, и совсем другой. Это становилось до оголенности понятным. Вернулась к началу тропы, подняла глаза на приметную сосну.

На дереве не было никаких следов попадания молнии. Более того, оно выглядело молодым и цветущим. На Ольку обрушился парализующий холод. Над равнодушной тайгой разнесся протяжно-надрывный, переполненный неизбывной болью крик...

Минуло два оговоренных часа, Виктор поднялся: «Пора».

Пошли вчетвером: кроме Вити и Артема – двое крепких ребят из вертолетной фирмы: Леша и Михаил. Жанну с пилотом, Вадиком, оставили на берегу.

Тропа почти заросла молодыми елками и сосенками.

Вскорости были на месте. Ветер шумел в покачивающихся кронах деревьев. Ощущалось равнодушие, и даже какая-то отчужденность тайги. С усилием и протяжным скрипом поддалась дверь избушки. Старухино жилище. Вошли внутрь. Глаза свыклись с полумраком. Повсюду царили неухоженность и запустение, печка потрескалась и осела. Грот был заложен каменной стеной, и, по-видимому, давно: межкаменные швы подернулись нетронутым мхом; крепко отдавало сыростью.

Михаил присвистнул:

- Да здесь лет десять не ступала нога человека. Ясно, как божий день. Куда же, Вить, жена твоя делась?

Виктора охватило недоброе предчувствие.

- Посмотрим снаружи...

Вышли, облазили все кругом – никого. И никаких намеков даже, что кто-то был здесь: ни свежесломанной ветки, ни примятой травы – ничего... Прошли обратно к берегу, идя по лесу вдоль каждой стороны тропы. И тоже никакого результата. Витька посерел лицом. Собрались все у вертолета.

Артем обратился к пилоту и парням:

- Давайте посмотрим с воздуха. Блуданула, наверняка. Далеко не успела уйти. Дополнительно учтем, конечно, в расходах.

Вадим сокрушенно покачал головой:

- Сожалею, но не получится. Что-то с движком. Большая топливоподача. Обратно бы добраться. Через пару часов

темнеть начнет. Полетели. На завтра вызовем спасателей.

Повисло молчание. Виктор с трудом, тихо проговорил:

- Да. Вам надо лететь. Я остаюсь. Оставьте мне спичек да куртку. Жду, Артемка, завтра. И позвони отцу, расскажи как есть.

Артем видел – ничто не сможет сейчас переубедить Витьку. Да и надо ли?..

- Ладно. Всех на ноги подниму, не сомневайся. Завтра буду, Надеюсь, еще до обеда. Сам не потеряйся.

Жанна сунула пакет с едой, проигнорировала Витькин протестующий жест.

- А если Оля нарисуетя. Голодная? Бери.

Витька взял.

Улетели все. Остался один. Сходил еще раз до хижины; шарахался по лесу, распадкам. Кричал до хрипоты. В преддверии ночи вернулся на берег, разжег костер. Посидел с полчаса, метнулся в лес. Натаскал сухостоин, превратил костер в пылающее огниво. Подбрасывал; всю ночь не сомкнул глаз, прислушивался. Под утро сморил сон...

Разбудил шум авиационных двигателей. Взглянул на часы: «Двенадцать. Артемка в очередной раз справился». По-быстрому сполоснул лицо в реке, сунул руку в пакет, отправил, не глядя, в рот, что попалося. Жевал, пока садились.

Артем сбежал по откинутому трапчику первым. Жанну он почти насильно отправил домой, в Москву: «Серьезные люди взялись. Мешать только будешь». Обнял ее, поцеловал на прощание. Обнял теперь и Витьку:

- Вижу, что Ольки нет. Ты как?

- Нормально.- Тот поднял потерянный взгляд.- Насколько это возможно.

Артемка попытался, как мог, успокоить:

- Ну-ну. Без соплей. Профессионалы свое дело знают. Пошли, поможешь определиться с районом поисков. Подошли к расстелившим карту прямо на гальке мужчинам в пестрой спецодежде. Склонились.

Искали, как положено: и на земле, и с воздуха. В общей сложности – около десяти человек.

На исходе вторых суток на сменном вертолете прилетел и сам Георгий Владимирович, Витькин отец. Облазили близлежащий лес, каньон, берег Китоя. Даже побывали у места выхода ребят из сквозьскальной пещеры. Теперь просто глубокого грота. Ничего...

Прошло трое суток. Евгений Константинович, командир спасателей, отвел в сторонку Георгия Владимировича.

- Знаю, Вам придется объяснять все сыну. Итак, по существу. Есть установленные нормативы и неуставленные усталость и ожидание близких. Вы поняли. Мы прекращаем поисковую операцию. Сделали все, что в наших силах. Но

это не конец. Оповещены местные службы, охотники. Будут извещены туристы и сплавщики. К таким делам в здешних местах серьезно относятся. И, как правило, людей мы находим.

Георгий Владимирович сдавленно спросил:

Живыми?..

Евгений взглянул прямо в глаза:

Всякое бывает...

Отец взял сына за руку, опустил глаза. Волновался.

- Я должен спросить. Как, черт бы меня побрал, следовательно и как бы не было мне больно... Оля не могла сама уйти от тебя и от Дениски?..

Витя вздрогнул, горько улыбнулся, с осуждением взглянул на отца. Тот вскинул голову:

- Извини, сынок... Сам знаю, что это полная чушь. Нам пора ехать домой...

- Езжайте, я остаюсь.

- Не валяй дурака. Мы не будем сидеть, сложа руки. И мы ее найдем. Уверен. А сейчас надо ехать домой, к сыну. Как ты думаешь, Олька по другому бы сказала? Простила бы тебе, если бы ты бросил Дениску?!- Толкнул Витьку в плечо кулаком.- Отвечай!

Витька сдался. На время...

Прошел ровно год. Ничего утешительного. Никто не

встречал Олю.

Сынишка, Дениска, увлекся странным занятием: рисовал, как только выпадала возможность, на бумажных листах всякие замысловатые линии. Испещрив ими лист и не удовлетворившись, отбрасывал его на пол, брал следующий. И так изо дня в день. С пугающей целеустремленностью. Говорил: «Когда правильно нарисую, мама вернется». Отец, бабушки и дед начали беспокоиться...

А Жанна что? Свершилось! Родила наша Жанна два месяца назад. Сына.

Как раз сегодня созвали уйму гостей – крестины как-никак! Хлопали пробки от «Мадам Клико». Застолье гудело. И Димон присутствовал с красавицей-женой. Произносил изумительные и остроумные речи в честь нового гражданина страны – так он выразился в одном из спичей – Артемов компаньон, любимец женщин, на три года старше Артема, Викентий Арсентьевич Зададский. Крестник Артемова сына. Патриот до кончиков ногтей. Никаких сомнений на этот счет. Сегодня можно – просто Вик. Так он разрешил.

За младенцем присматривала няня. У нее великолепные рекомендации. А как иначе?! Жаннины одетые на годовой бюджет среднерусского поселка подружки плохого не пожелают. Все схвачено, и за все заплачено. Сплошной либерализм и человеколюбие. Жить надо уметь! И уметь делать жизнь прекрасной. И даже маленько для других: «О чем ты, Лероч-

ка, ей-богу? Как это скучно. А вот я прошлым месяцем на Мальдивах!.. Такой мальчик! Просто пипочка! Только, прошу тебя, не говори моему пупсику. У него опять подскочит холестерин. А ты же знаешь, как я его люблю...»

Артем, натянуто улыбаясь, встал, извинился, вышел в сад. Ушел как можно дальше от особняка, чтоб никто не видел, почти к самому забору, уперся лбом в ствол клена. По щеке скатилась слеза...

Вздрогнул, когда сзади на плечо легла голова жены. Так и остался стоять. Жанна провела рукой по его волосам, поцеловала в шею, проговорила:

- Знаю, кого ты хотел бы видеть на месте этого прилизанного придурка. И я с тобой полностью согласна. Мы сами хотели этой жизни, дураки. Завтра я уволю няню и уволюсь сама. Буду заниматься нашим ребенком. И любить его... Прокормишь нас с Максимкой?

Артем повернулся, провел по щеке Жанны кончиками пальцев, улыбнулся:

- В жене я не ошибся...

Женская ладонь, коснувшись губ, остановила речь. Жанна обвила его шею руками, крепко и любяще поцеловала:

- Хватит деревья лбом обстукивать. Иди к сыну, он ждет тебя. Ему нужен отец. И не забудь до того выгнать к чертовой матери всю эту массовку. Не хочу их больше видеть. Ольку хочу...

На другом конце Москвы, в маленькой кухоньке, Виктор, в фартуке, готовил ужин: настругивал на доске овощи для салата. Позвал из комнаты четырехлетний сын:

- Па, иди сюда.
- Сейчас, сынок. Дай мне минутку.
- Да иди, пап. Срочно. Я нашел.

Виктор, вытирая руки о фартук, подошел. Сынишка пододвинул ближе лист.

- Смотри. Теперь мама вернется.

Собравшийся привычно похвалить сына Виктор вгляделся; руки его смяли фартук, застыли.

На рисунке был изображен известный только избранным кристалл. Размашистым карандашом, с обозначенными гранями, завуалированно, но однозначно узнаваемо. Талантливо. Казалось, он даже испускает свет.

Виктор точно знал, что ребенок никак не мог видеть кристалл: десять лет, как он надежно спрятан на даче Витькиных родителей. Он и сам его с тех пор не видел. Изумился.

- Ты где это видал, откуда взял?!

Сынок в мать пошел, в Ольку.

- Ты че, тупой, па?- Постучал себя карандашом по голове.- Отсюда, откуда еще?

Витя взял лист, ходил взад-вперед по комнате. Руки его подрагивали. В голове проявлялось решение.

Не то слово. В нем все перевернулось. Встало перед глазами Олькино искаженное страданием лицо: «Чего ждешь?!»

Стало все до боли понятно: «Немедленно надо доставить кристалл на место».

Сынишка перепугался отвердевшему лицу отца, захныкал:

- Ты чего, пап? Пугаешь меня...

Витька взял себя в руки, улыбнулся счастливо, подхватил Дениску, закружился с ним по комнате.

- Что бы я без тебя делал?! Ты у меня гений!- Поправил-ся:- У нас с мамой. Завтра я еду за ней...

Набрал номера родителей, любимой тещи:

- Приезжайте, покажу что-то. Мне кажется, я уверен, Ольга скоро будет с нами...

Георгий с Галиной переглянулись испуганно-сочувственно, но, не раздумывая, помчались. Как и Лариса... Через час были все вместе. Виктор протянул сыновье творение. Лариса не понимала, Галина тоже:

- Что это?!

Георгий Владимирович понял. И не только. Приготовленные заранее успокоительные слова для сына вдруг потеряли смысл. Поразился собственным чувствам: будто упало божье благословление. Обернулся к женщинам:

- Потом все объясним. Лариса, пару-тройку дней посмотри за внуком. Пока мы с Витькой будем в отъезде. Галя, - поможешь. - К Витьке:- Сейчас буду звонить Александру Ивановичу. Их «борты» через день на Восток ходят. Захватят нас. Ты меня понял, почему... Съезжу до дачи. Будь го-

ТОВ.

Пересечем изгиб времени, вернемся к Ольке, на берег сибирской реки.

Прошли сутки с того момента, как затих, ударяясь о сопки и поглощаясь их бесчувствием, Олькин выплеснутый из души крик.

Металась, очумевшая, по берегу, скользила взглядом по обрушившемуся миру. Села на камень, обхватила голову руками, постаралась успокоиться: «Прекрати истерику. Не будь душой. Думай. Думай, черт бы тебя побрал! Выход есть всегда...» Стало чуточку легче.

Не видя ничего, смотрела вниз и перед собой. Не знала, сколько времени прошло. Вдруг что-то торкнуло. Мозг за что-то уцепился. Это «что-то» начало приобретать в воображении осязаемые черты. И вот оно! Вспыхнул перед глазами, почти реалистично, великолепный кристалл, старухин подарок. Оля поняла: «Не знаю, Витенька, где ты сейчас. Молод ты, или еще не родился. Стар, или уже умер... Но верни эту чертову вещицу. Кристалл. Привези его сюда, и тогда мы воссоединимся. Не теряй времени. Иначе путь будет отрезан!»

Возбужденно вскочила: «Может, я схожу с ума?! Плевать...» Бросилась бегом к старухиной хижине.

Спасательный вертолет, организованный стараниями

московской «шишки» Александра Ивановича, приземлился на знакомой прибрежной площадке. Сошли Георгий Владимирович, Виктор и двое спасателей. Первый час дня. Жаркий июльский полдень.

Витя сунул во внутренний карман куртки поданный отцом сверток.

- Я один пойду. Два часа.

Мужики не проронили ни слова. Ушел.

Старуха сидела, как обычно уже. Витя утерять способность удивляться ее «выходкам». Принял, как должное. Подошел, снял рогожку с кристалла, молча положил его перед вещушкой. Та подняла глаза.

- Пришел... Не разменяли на звонкую монету...

- И мысли не было. Где Оленька? Любимая моя жена. Мать нашего ребенка. Который страдает без нее...

Старая женщина вздохнула:

- Немало в этом мире страданий.- Провела рукой по лбу, улыбнулась:- Через минуту будет. Бежит уже...

Витьку словно током ударило. Боясь расплескать свалившееся счастье, медленно обернулся. На плитняковую площадку выбежала из леса... Олька!.. Бросился навстречу, сжал в объятиях свою любовь. Молчали. Олька счастливо плакала.

- Ты догадался, да? Про кристалл? Но как ты успел так быстро?! За сутки...

Витька взял жену за плечи, всмотрелся в глаза.

- За сутки?! Ты что, Оленька?! Год прошел...

Настало время поразиться Ольге. Широко раскрылись глаза.

- Год?!..- Впилась ногтями в Витькины руки.- Господи!..-

Опустила плечи.- Кто это с нами вытворяет, Вить? Зачем ему это надо?!

Виктор молчал, сжал опять любимое тельце.

- Не знаю...

Олька вздрогнула:

- Мой сын год без меня?! О боги!.. Как он?

- Страдал. Четыре годика ему. И это его заслуга, что мы смогли встретиться. Только его... Он гений у нас. Я расскажу тебе потом. А сейчас пора закончить это дело. Сложить последние, надеюсь, недостающие кубики, ладно?

- Конечно, Вить. Как скажешь...

Подошли к лачуге. Кристалл, не тронутый старухой, лежал на земле. Но на него никто не обращал внимания. Молодые смотрели в глаза отшельницы, она смотрела в их глаза. Молчали. Наконец, Виктор спросил:

- Зачем Вам все это?

Старуха удивилась, или сделала вид.

- Мне?! Я здесь ни при чем.- Кивнула на кристалл.- Как и он, впрочем. Просто через него соединились ваши мысли. Послужил, выражаясь фигурально, дверью сквозь время. Делов-то! В принципе, на его месте могла оказаться головешка

от костра или что-нибудь другое. Неважно... Не в этом дело. Может, поймете когда-нибудь... Уверена, поймете.- Задумалась:- Может, во всем этом деле кто-то помог вам. Был благосклонен. Увидел в вас хорошее. Скорей всего, именно так. Можете забрать кристалл назад.

Виктор протестующе поднял ладонь.

- Ну уж нет. Увольте. И не из-за страха, а потому, что считаем: не имеем права владеть им. Он принадлежит природе, и только ей.

Старуха усмехнулась:

- Ну, как знаете. Начинаете, похоже, что-то понимать. Быть по сему. Вернем его горам. Пойдемте со мной.

Олька подала голос:

- А как же стена, бабушка? Та, за которой я Вас замуровала?

Витька ошарашенно уставился на Ольгу, старуха вопросительно подняла бровь.

- Какая стена, милая? Умишком тронулась от счастья?- Пошамкала бескровными губами.- А.., стена... Ну да... Много стен в мире, касатики. И есть они, и нет их... Пойдемте, что ли?

Обогнули крутолобый опуск сопки, углубились в лощину, но недалеко. Поднялись немного по левому склону, взошли под каменный козырек в небольшой грот. Перед глазами зияло серповидное, не более полутора метров в длину и полуметра в ширину, отверстие природного колодца. Таеж-

ница присела на корточки, протянула над отверстием руку с зажатым в ней кристаллом, взглянула на ребят. Те кивнули. Пальцы разжались, самородный кристалл полетел вниз. Стука о дно так и не услышали. Старухины космы всколыхнулись легким порывом благодарного ветра, по лицу коротко скользнул световой луч. Поднялась. Взяла одной рукой Витькину руку, другой – Олькину.

- Прощаться пора. Многие ждут вас. Я счастлива, что жизнь свела меня с вами. Вы – настоящие. Достойны счастья, и обрели его. А теперь ступайте. Не увидимся больше...

Георгий Владимирович обнял Ольку.

- Девочка моя... - Глаза затуманились. - Я стал верить в чудеса. Благодаря вам...

Ребята-спасатели восхищенно улыбались:

- Многое видали, но такого!.. Однако, надо поторапливаться. МЧС-овский борт летит транзитом из Владивостока. Через пару часов пойдет на Москву. По местам! Взмыли в воздух.

Корпус вертолета слегка вибрировал. Витя держал Ольку за руку, боялся отпустить. Олина голова покоилась на его плече. Взгляд наткнулся на циферблат ее часов, перевел глаза на свои.

- Господи!

Олькины ресницы вопросительно вспорхнули:

- О чем ты, дорогой?

- Смотри.- Поднес свои часы к часам жены. И те, и другие показывали одинаковое время: «четырнадцать тридцать две». Отрешенно откинули головы на спинки сидений. Только крепче взялись за руки...

Через полтора часа приземлились, еще через час опять взмыли в воздух. На этот раз – на лайнере МЧС. Взяли курс на Москву. Домой.

Перед самым отлетом позвонил Александр Иванович. Трубка возбужденно кудахтала:

- Знаю, сообщили. Несказанно рад! Почти перестал верить, признаться. Уникальный случай!

- И благодаря тебе, Саш, в том числе. Не знаю, как и благодарить тебя...

- Брось, Георгий. Друзей не надо благодарить. Вот выпить с ними – святое дело. В стельку. Или в дым. Выбирай. Ты просто обязан нам с Борькой об этом рассказать.

- О чем речь! Конечно. Родных обниму только.

- Обнимайся, сколько влезет. Жду звонка. Удачи.

Сидели, как и десять лет назад, в ряд: Оля слева, Георгий Владимирович посередине и Виктор – у прохода. Подошла врач. Та же знакомая Марина Андреевна. Крутая тетенька. Почти не изменилась.

- Ба! Все те же лица. У нас просто какой-то блатной са-

молет. И местный блат, и московский. Так, глядишь, и мне скоро места не найдется.

Витька ухмыльнулся:

- В отсеках шасси еще места есть. Для особо приближенных.

Марина Андреевна уперла руки в бока:

- А.., умник? Отличник. Как плечо?

- Побаливает. Так дуракам и надо.- Не стал строить из себя героя.- Болит почти постоянно.

- Дай взгляну.- Витька оголил ключицу. Помяла, парень вздрогнул.- Понятно. Нерв нарушен. Но сделано профессионально. Такие последствия часто случаются. Плевое дело. Несложная операция под местной анестезией.- Достала блокнот, записала что-то, вырвала листок, протянула Вите.- Возьми. Координаты. Хирург от Бога. А я ему позвоню.

Витька засунул листок в карман, благодарно улыбнулся:

- Спасибо, Марина Андреевна.- Помедлил:- А местный блат у нас появился? В смысле коньячку по стакашку хлопнуть?

По губам женщины скользнула улыбка:

- Появился. Ворвался в раскрытые двери. Слышала вашу историю. Не поняла, правда, многого. Сейчас принесу.

Георгий Владимирович засуетился, дергал молнию сумки. Зазвенело стекло. Достал три бутылки, хлеб, паюсную икру.

- Да у нас с собой. Выпейте с нами, Марина. Ничего, что

я без отчества? Георгий меня зовут. Для друзей...

- Ничего, с удовольствием.

Подавал две бутылки.

- Для пилотов. После посадки, разумеется.

Марина развеселилась.

- Да они – те же дети малые. Только с глаз долой – сразу по ящикам шныряют. Пока я здесь с вами болтаю, наверняка, нализились уже, как цуцки.

Георгий замахал на Марину руками.

- Да ну Вас. Типун Вам на язык. Нам после всего только грохнуть с аэропланом не хватало!

Женщина хохотала:

- Шучу! Поверили?! Да у нас самые лучшие пилоты. Знали бы вы, где им иной раз садиться и взлетать приходится.

Георгий Владимирович успокоился. Выпили за счастливое возвращение, врач ушла по своим делам. До посадки почти не разговаривали. Каждый думал о своем.

Но вот наступил долгожданный момент. Колеса шасси мягко коснулись посадочной полосы. Дома...

Восторгам не было предела: Оля плакала, Лариса и Галя плакали. Мужики счастливо бодрились. Сынишка, Дениска, висел на матери. Та не могла нацеловаться с ним. Она его не видела несколько дней, он ее – год. Но чувства были одинаковы.

Под вечер явились с шампанским и горой цветов Артем

и Жанна, но разговор как-то не клеился. Договорились чаще встречаться, ушли. Но осталась недоговоренность. Все ее чувствовали...

Поздним вечером Виктор подсел к Ольге, взял ее за руку. Дениска только заснул.

- Артем и Жанна. Они хотели счастья и с последней надеждой обратились к нам. В чем их вина? А то, что случилось с нами, было predetermined. Я это знаю, и ты это знаешь... У них теперь сын, и мы теперь вместе. Где повод для плохого? Они – настоящие друзья, и их не покидает чувство вины. Ты видела. Не пора ли перевернуть страницу и сказать людям, что мы их любим?

Оля обняла мужа, прижалась щекой.

- Ты прав. Прав, прав, прав. Да. А еще ты умница, хороший человек, и я горжусь тобой. Зови их. Немедленно.

Назавтра Витя позвонил Артему.

- Привет, братан. Давай перекусим, поговорим...

- Давай. Где?

- Да там же. Среди дурацких сетей. Через час. Как?

- Дурацких сетей, говоришь? Сильно сказано. Буду.

Сидели за тем же столом. Пришедший чуть раньше Витка заказал бутылку легкого белого вина и блюдо с нарезкой из семги.

Появившийся Артем плюхнулся напротив, окинул взглядом скудное угощение.

- Похоже, разговор будет недолгим, а, брат?

Витька наполнял бокалы.

- Наедаться просто не стоит. Не хочешь же ты обидеть мою жену. Мы ждем сегодня вечером вас с Жаннкой, и Оля готовит праздничный ужин.

Лицо Артема смягчилось, Виктор бросил короткий взгляд, продолжил:

- Буду краток. Все эти домыслы и «кривые» мысли – не более, как пенная накипь и чушь собачья. Ты понимаешь, о чем я. Не место им среди друзей. Мне не нужен другой друг. Только ты. А Ольке – Жанна. Давай за дружбу и выпьем.

Поднял бокал. Поднял свой и Артем. Рука его от волнения слегка подрагивала.

- А ты знаешь, Вить, что ты сделал сейчас? Ты спас меня...

А начиналось все так. Ну, десять лет назад. Или чуть меньше...

Глава третья

Ох уж эти школьники. Ученики! Забота...

Май перевалил на вторую половину: кто-то заканчивал очередной учебный год, кто-то делал это в последний раз... Приличные родители, само собой, не у дел тоже не остава-

лись...

Ранец полетел в угол. Можно было предположить, что ребенок не совсем удачно сходил в школу. Мать его, Лариса Вячеславовна, похоже, была того же мнения. Хозяин ранца избегал смотреть матери в глаза, шмыгал носом, утирался ладошкой... Та безнадежно всплеснула руками, по лицу прокатилась боль:

- И что? Только не говори, что меня опять вызывают в школу. Не пойду. Сил больше нету... Двенадцатилетний Славик был понимающе снисходителен:

- Да ладно тебе, ма. Всего три двойки за неделю. И те – не по делу. Зуб даю... Эта дура математичка...

Дверь небольшой спальни отворилась. В проеме образовалась держащаяся за ручку двери семнадцатилетняя Славикина сестра Оля:

- Мам, задвинь уши. Кого ты слушаешь!? Бездельник, лодырь потрясучий. Выгонят его скоро... Мне Нелька сказала... Пускай газеты по подъездам разносит... Да ты посмотри на этого уроды! Он даже морду себе помыть не может... У него рогатка,- и та ржавая... В папашку пошел. Позорит только меня...

У брата с сестрой была одна мать, но разные отцы. И те поразбежались. Казалось бы, о такой жене, как Лариса, мечтать только, а нет – не везло ей пока... Жила маленькая семья случайными Ларисиными заработками: неблагодарен труд переводчика с английского и французского... Вернемся

в тесный коридор.

Оля «приветливо» добавила:

- Чего рожу-то преступную воротишь? В глаза людям бо-
ишься взглянуть? Слабак... Нажми выключатель.

Вопрос попал в цель. Настоящие мужики просто так не
сдаются... Мужественный Славка не замедлил включить в
коридоре свет.

Сестра съехидничала:

- Я просила нажать выключатель; умные бы поняли: это
еще не значит, что надо включить свет. Ну да ладно. Кому-то
же надо газеты разносить...

Славик набычился:

- А когда Витька-соплежуй с одиннадцатого «Б» тебе сись-
ки давит, свет включается?

- Ты чего несешь, недоделка!?

- Оля, не смей так говорить. Он брат тебе...

Славик гаденько ухмыльнулся:

- Она, мам, на сплав со своими фырганами намылилась.
Сведения проверенные. Дура...

Олька метнулась, схватила брательника за волосы:

- Закрой рот, отморозок малолетний. Он у тебя хуже по-
мойного ведра. Мало тебя твой папаша лупил...

Оппонент окрысился:

- А у тебя ноги кривые. Мужики не дадут соврать...

Прекрасно сложенная, уже почти сформировавшаяся в
красивую женщину сестра задохнулась негодованием:

- Ах ты, дикобраз сопливый. Трепло. Тебе не стать настоящим мужиком. Никогда. Отрыжка века! Че ты умеешь? Двойки получать? И людей закладывать... Посуду сам за собой теперь мой, фонарик. И лапки грязные к моим дискам не протягивай. Закладушник...

Мать-Лариса всплеснула руками:

- Оля! Про что Славик говорит? Какой сплав!? Это правда?.. Ты же знаешь, тебе надо сдавать экзамены, готовиться в университет. Да и опасно это. Даже не думай...

- Успокойся, мам. Кого ты слушаешь? Этого придурка? Он же потенциальный извращенец! Ну... поговорили с ребятами. Что в этом плохого? Американцы, ты помнишь... Ну... которые у нас по обмену. Робби и Кристина. Приехали. Хотят сибирского экстрима, дурачки... Не отказывать же им! Сама знаешь, как меня в Штатах принимали. На стажировке когда была... Что мне, в грязь лицом в ответ ударить?! Договор у нас.

- Доченька, ведь для этого есть же люди, специальные службы!

- О чем ты, мама? Мне с кем жить дальше? Со специальными людьми?!

- Ой, не знаю, Оленька... На сердце беспокойно стало...

- Да чего волноваться-то? Неделя-полторы делов. После экзаменов, конечно. Не одна же я еду! Ребята: Артем и Дима со своими девушками. Виктор...

Славик смотрел в потолок. На последние слова паскуд-

ненько вытянул, причмокивая, губы в трубочку. Правая нога, умышленно уродливо описывая круги носком по паркету, делала хозяина похожим на умалишенного. Чего он, собственно, и добивался.

Взгляд задумавшейся было сестры, опустившись, натолкнулся на болтающийся шнурок Славкиных ботинок. Взбеленная:

- Ты еще здесь, проходимец? Вали отсюда, бананщик паршивый. Уроки делай, беспардонные твои глаза. Бездельник! Надо папашке твоему ремень потолще подарить. На Новый Год. Или лучше на твой день рождения, он ближе. Жди...

Школа-лицей закончена. Выпускные экзамены ушли в прошлое... Оля с Витькой шагали по набережной. Кавалер коснулся руки подружки:

- Слышь, Оль... Я ниче такого... Может, все-таки сперва стоит озаботиться поступлением в университет? У нас будет еще время...

Олька круто остановилась. Возбужденно повернулась на каблуках:

- Ты что, дебил совсем? Я школу хочу забыть, понимаешь!? Новая жизнь... Прямо сейчас... И не иначе... Не нравится – отваливай.

В глазах девушки полыхал огонь.

- Мне в новой жизни не нужны слюнтяи. Решай...

Виктор опустил взгляд. Решившись, поднял глаза, по-

смотрел прямо:

- Да ладно тебе... Не гони пургу. Решили, значит едем. Только Димон съехал уже... Отмазки у него. Рассказать?

- Не надо. Личное дело каждого... Обойдемся без него. Так ты со мной, кретин?

Чаша Витькиного терпения переполнилась, он обозлился:
- Я с тобой. Или ты со мной?.. А будешь шипеть, дергаться и обзывать – получишь в свой небесно-голубой красивый глаз. Шершаво-кожаным моим кулаком. В воспитательных целях... Несмотря на твои высокие выпускные баллы и мои к тебе нежные чувства. Поняла, глаза твои приворотные?

Умышленно «накрутившая» Витьку для выхода из «плавающего» состояния Олька усмехнулась:

- Шершавым кулаком – в небесный глаз? Что-то новое... Как поэтично! Здесь тебе и Есенин, тут тебе и Маяковский. Хорошо сказано: просто и доходчиво. Умеешь, когда хочешь, понравиться женщинам. Я поняла. Проехали...

Парень разозлился еще больше, был близок к вскипанию. Подумалось: «Это черт-те что такое она себе позволяет... Девочка в переборе. Видимо, пора прояснять отношения.» Открыл было рот, Олька опередила:

- А слышь, Витька... Это правда, что когда ты касаешься моей груди, гаснет свет?..

Сделавший пару шагов Виктор ошарашенно остановился. Повернувшись к Оле, непроизвольно выдохнул:

- Чего?! Ну даешь... Башню снесло совсем!?!- Взял себя в

руки, уже спокойнее добавил:- С тобой не заскучаешь, красавица... А, догадываюсь... Опять, поди, твой придурочный брательник узлов понаплел? Наставлю ему, паршивцу, как-нибудь чилимбасов. Чтоб у него в башке все болты на свои места встали. Хотя аллегория неплохая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.